

1996 №4

(продолжение; см. начало в №№ 1, 2, 3)

Уехав, Кабаков перешел на свои картинны с розетками - в оригинале не видел ни одной, но в репродукции не видел ни одной, которая бы заинтересовала. Розетки, понятно, мешают изображению, но мешать там явно нечему, мешают они вяло, и сами вполне приближительны. Вместе с тем, и вся такая прыщавая картина лишена той точности, узнаваемости, безличной характерности, которой раньше отличался Кабаков. Стилистически это, по-моему, делалось вполне наобум, без адреса. Стоит хотя бы сравнить, как умели иногда "помешать" изображению, даже "уничтожить" его, в то же время отчаянно его активизируя, Копыстанский или Чуйков. Кабаков вообще спокойней, но в этом случае это не то спокойствие. Спокойствие не уверенности, а вялости. То самое искóмое безразличие в полном смысле слова. Дюссельдорфский вагон, по-моему, и надуман и недодуман, а с московским вариантом "Русского искусства около 90-го года" - вообще полный конфуз.

Этот конфуз я видел своими глазами, как и другой такой же - на "Дорогом искусстве" 89-го года. Конечно, это было выполнено из рук вон скверно и вообще выпускать и поручать кому-то готовить твою инсталляцию может, наверно, только художник, всерьез ощутивший себя навечно уже по ту сторону "хорошо/плохо". Но должен же у меня быть какой-то навык, умение отделить концепт от реализации. Однако, как я ни старался, ничего не получалось, и хуже Кабакова на "Русском искусстве-90" был только Пригов.

Но Пригов ведь и вообще интересней как литератор, чем как изобразитель. Он выдумщик, "концептуалист", а художник-скульптор он просто плохой, и его неизменное присутствие и успехи еще и на выставках - лишнее свидетельство: не его это успехи, а системы.

Инсталляция же Кабакова с деталями быта художника просто, по-моему, фальшива. Шустрая кабаковская протестичность сыграла тут с ним плохую шутку: навык быстренько сыграть-стилизовать, будучи повернут на себя, привел к тому, что Кабаков тут сыграл... Рогинского. Это у Рогинского в 60-е были такие портки-ботинки, заляпанные краской, такой быт, такие холсты - и недавно некоторые из них можно было, наконец, увидеть в Третьяковке. Серьезные холсты, потому что таков и был быт Рогинского. Но Кабаков не Рогинский. И быт у Кабакова другой, и многое другое.

Кажется, последнее время что-то стало меняться. Инсталляцию на "Фиаке"-91 "Коммунальная кухня" поругивали, но, по-моему, по инерции - за то, что клеенка на столе от Тати. Мне показалось, что она тем и хороша, что мало зависит - какая там клеенка. Это простое и точное, неизбежное даже развитие прежней, классической кабаковской темы: раз картина - стенка, в стене - гвоздь; раз гвоздь, на гвозде кастрюлька, раз кастрюлька - под кастрюлькой стол и т.д. Без спекуляций и лишней стилизации, наигрышей. Говорят, что-то еще у Кабакова опять получилось, не хуже, чем в 70-е. И дай ему Бог здоровья. Собственно, речь не о том. А о том, что около 10 лет новое русское концептуальное, неофициальное и пр. искусство едва ли не олицетворял художник в срыве, провале, явном и словно бы даже демонстративном, сознательном и добровольном. Художник, сознательно пустившийся в эти наигрыши и раздувание пустоты, как бы интересно до того ни работал. Пустившийся с ясной целью организовать себе успех такими спекуляциями, успех провалом - и в этом преуспевший.

Кажется, тут есть над чем задуматься. Как по-вашему? Тем более, что этот кабаковский успех - а Кабаков у нас, кажется, уже в ранге поп-звезды - примерно на 4/5 заграничный, а заграничный, думаю, на 3/4 германский. Опять же, как ни любопытна природа и техника такого успеха, еще занятней все, что вокруг успеха и в результате успеха.

Впечатляет взаимодействие Кабакова и Гройса, д-ра Гройса, если не ошибаюсь. Чем-то оно похоже на "Кабинет д-ра Калигари" - не находите? Да вот и признание самого объекта науки: "Я, наконец, добился того, что совершенно перестал жить" - такими именно словами впечатлил Кабаков не так давно искусствоведа Ольгу Своблову и всех читателей газетного интервью, которое она счастлива была взять у маэстро. Ну как же, как же - смерть автора... Кабаков, как всегда, на передовых рубежах. И то сказать - если смерть, так уже давняя смерть. Как вознамерится искусство стать умней самого себя, освободиться с помощью ли государства, "науки" от собственных условий "плохо/хорошо", "получилось/не получилось" - тут-то ему и крышка.

А еще раньше Кабаков проговорился еще лучше: "Природа не терпит пустоты, но и пустота не терпит природы". Как сказано, а? И как раз, когда с азартом ввязался в игру на стороне пустоты. Игру на интерес. Я не хочу сказать, что Кабаков не терпит, скажем, Олега Васильева. Я не знаю деталей их отношений друг к другу. Но вся волна и пена, которую Кабаков гонит, все "кабачки", вся "наука", словом, вся пустота удивительным образом Васильева не терпят, не приемлют, отпихивают. И с удивительным успехом.

Действительно, втроем кончали Суриковский институт. Булатов, Васильев, Кабаков (по алфавиту). Ходили в походы, летом жили на одной даче. Занимались детской иллюстрацией и неофициальной живописью, будучи каждый каждому первыми зрителями и критиками. Вместе, наконец, выступали в том же "А-Я"... Господин Вир, разрешите спросить - сколько, примерно, было в Германии выставок с участием Кабакова? А Кабакова персонально? И сколько раз кто-то в Германии имел возможность посмотреть Васильева? Я знаю только один случай: ту самую выставку "Лианозово" 92 года, которую, как я понимаю, мы с Вами и Сабиной Хенстен и делали в музее Бохума.

Понимаю, насколько это не принято, невоспитанно, некорректно - сетовать на чей-то неуспех, чей-то успех. Предполагается, что это примерно то же, что жаловаться на стихию - скажем, на погоду. Но тут стихия стихией, а чисто внешние обстоятельства уже позволяют, на мой взгляд, отметить, что в данном случае это стихия ведет себя настолько некорректно, что сомневаешься - стихия ли она? Разумеется, я имею в виду прежде всего не немецкую, а нашу, русскую стихию - т.е. публику. Уж тут механика этой "стихии" и этих "успехов" - как на ладошке.

Беда в том, что если Кабаков - пустота, то Олег Васильев - именно что природа. Просто пишет природу.

ВНЕШНИЕ "ЦИРКА" ОЛИМП

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

В. ПРИВАЛОВ. БЕЗ НАЗВАНИЯ, 1990.

Я понимаю, на печи ездить желал не один русский Емеля. Сказки о скатерти-самобранке, топоре-саморубе есть, наверно, у всех народов. Искусство всегда ищет самодействующие способы. Чтобы дело шло само и без ошибок.

Чтобы называние автоматически было творчество. Это понятно, как понятно и то, что если искусство найдет такой надежный способ, оно немедля потеряет смысл. Кончится. Потому так опасна серийность и балдежное, "вдохновенное" стихописание.

Когда дело идет, и идет само, самое время автору насторожиться. Когда же появляется метод, школа, как бы на научной основе гарантирующая своим адептам невозможность ошибки и неуместность критики - т.е. емелино житье, - тут и настороживаться не надо. Тут все ясно. Ясно и было.

"Молодой", "второй", "новый" - зовите как хотите, но блатной концептуализм пожелал выделиться из прежнего, что был на самой широкой основе, не так теоретически, как практически, делом. Экипаж был в танке (любимое сравнение Ильи Иосифовича того времени), резервы подходили и подходили, планы разрабатывались, дела предстояли. Система сложилась. И как только закипели дела (86), система сразу же узнала систему. И поступила соответственно. Еще предстояли запоздалые доносы на "А-Я", а само "А-Я", сам круг людей, объединившихся общей опасностью, не говоря об общих интересах, уже успешно рассыпался. Его рассыпали, развалили с удивительной легкостью. На первой же сенсационной открытой выставке этого самого "нового", "неофициального", "авангардного" и т.д. искусства ни Булатова, ни Васильева не было - зато были и "Мухоморы", и Захаров, и Кизевальтер, и Альберт, и много других интересных авторов - в том числе, МОСХовских. Действительно интересных.

Дело в другом. Дело интереснее. Как полагалось, в инстанции пошли возмущенные

сигналы. Приехал министр культуры Захаров. Естественно, ожидали разгрома. А министр глянул и резюмировал: "По-моему, интересная выставка. А вот реалистическая живопись слабовата". С тем и уехал. Я и говорю - интересная. Вообще, он был хороший министр, все говорят. Вопросы не к министру Захарову, а к художнику Вадиму Захарову. Такой, например: вот дали Захарову отодвинуть Васильева. Молодой Захаров, но взрослый: знает, кто дал Захарову - система. Ну и кто же сказал Захарову, что следующим не отодвинут опять Захарова? Вот что интересно.

МОСХовский "реализм" на этой выставке был и правда не ахти, хотя в МОСХе, вообще говоря, были и такие пейзажисты - пейзажистки, верней - как Затуловская, Старженецкая - вот не знаю только, насколько они реалистки. Да дело, я бы сказал, и не в "реализме", а просто в изобразительности. В миметичности. МОСХовская казенщина, "социалистический реализм" и рутинные омертвевшие "сезаннские" попытки отвращали художников от мира как живой природы. А зритель все равно смотрел, прежде всего, туда, где видел изображение. Картинку. Крушение сталинского "искусства", мертвого и смертельного, вторжение мирового художественного опыта - эта передышка (в искусстве, по крайней мере) была покрепче "перестройки" 80-х.

Булатов, Васильев и Кабаков пережили это еще студентами. У них было время увидеть слом традиций. Пережить ту самую "пустоту", пройти через нее и сделать пространством. Создавали собственный язык, собственную нетрадиционность, а создав ее (каждый свою), они несколько разошлись...

Грубо говоря, Булатов стал создавать пространство при помощи природы - во всяком случае, природы. Васильев, пожалуй, скорее природу. При помощи пространства. А Кабаков работал с пространством более отвлеченным - пространством социального сознания, пространством речи. Оборачиваться пустотой оно могло сколько угодно, но - в рабочем порядке. А когда стало перерождаться просто в пустоту, пустую пустоту - тут-то и выяснилось, насколько эта пустота не терпит этой природы. Не терпит. Но почему от такой нетерпимости должно быть хуже природе - это, как хотите, мне непонятно.

Просто-напросто Васильев знает то, что знает Кабаков. Учитывает этот опыт. Но Кабаков не умеет того, что умеет Васильев. И подавно не умеет сомнеть кабаков, все переживающих, муссирующих свою нетрадиционность - и в этом все дело. Васильев же вообще умеет, по-моему, то, чего больше никто не умеет: никто не накормит изголодавшегося по картинке, живому изображению зрителя так питательно и доброкачественно. Разве что Булатов - но он даст обобщенную картину. Такого, по крайней мере, мое мнение о Васильеве и Кабакове. Кажется, оно не совпадает с мнением немецкой художественной общественности.

А если так, не кажется ли Вам, господин Вир, что мнение этой самой общественности по отношению к Васильеву несколько априорно? (Не подумайте, кстати, что я выступаю как рекламный агент Васильева - у него дела как раз сейчас идут совсем неплохо: после выставки в Нью-Йорке его, слава те, Господи, наконец "заметили" - заметила даже "Нью-Йорк Таймс", и просить никого и ни о чем не нужно. Уже и не в нем дело, а в вопросе: ну как же все-таки смогло сложиться такое вот положение, какое сложилось с ним? В чем тут дело и все ли в порядке?)

А насчет зрителя-любителя картинок, насчет нетрадиционности и антитоталитарности - кажется, у нас с вами здесь до сих пор больше общего, чем можно было подумать. Говорят, в Германии обозначилась мода на "искусство социалистического реализма". Так, или я что-то путаю? И слышно было, что Боря Гройс уже родил радикальную концепцию: существуют, дескать, соцреализм и соцарт, а прочее - несерьезно... Бедный зритель: он, как пьяный водитель - для него существует либо правый козлет, либо левый. А прямо ехать - это руль удерживать, стараться надо... Одер бурш, одер филистер.

Соцреализм как отрывка концептуализма по Боре Гройсу, концептуализма как искусства не умеет, исключаяющего такого вот Олега Васильева напрочь, как и всякого, кто умеет держать руль и ехать прямо, совершенно не давая возможности Боре развернуть свои умопостроения. И обратно: концептуализм как отрывка соцреализма, не иначе. И снова Боре Гройсу есть что покушать...

Господин Вир, неужели с этим так-таки ничего невозможно поделать? Олег Васильев, видите ли, посмел не перестать жить и должен за это нести наказание... А есть ведь еще одна сторона дела, знакомая и нам и вам, и очень для нас с вами существенная.

Если ваш зритель, передержанный, видимо, на кабаках, охоч оказывается до нашей рутинности, то с нашим может быть и того хуже. Да и бывает. Изголодавшись по картинке, он слопает любую начинку, любую отраву и приманку, абы в нос была и в глаза бросалась. Нет Олега Васильева. И он заглатывает Константина Васильева, Илью Глазунова.

(окончание следует)